

4. Bogdanov A. P. Osvobozhdenie Ukrainy [The liberation of Ukraine]. *Reyter* [Reiter], 2006, no. 3, pp. 6–28.
5. Vodarsky Y. E., Novoselskiy A. A. Mezhdunarodnoe polozhenie Russkogo gosudarstva i russkoturckaya voyna 1676–1681 gg. [International position of Russian-the state and Russian-Turkish war of 1676–1681 years]. *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII vek* [Essays on the History of the USSR. feudalism period. XVII century]. Moscow, 1955. pp. 518–531.
6. Gordon P. *Dnevnik 1677–1678* [Diary 1677–1678]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 235 p.
7. Zaruba V. N. *Ukrainskoe kazatskoe voysko v borbe s turetsko-tatarskoy agressiey (poslednyaya chetvert XVII v.)* [Ukrainian Cossack army to fight in the struggle against the Turkish-Tatar aggression (last quarter of the XVII century)]. Kharkov, Basis Publ., 1993, 167 p.
8. Kosinenko N. I. *Pervaya russko-tureckaya voyna semiletnyaya voyna. Chigirinskiye pohody 1677–1678 g.* [The first Russian-Turkish War of the Seven Years War. Chigirinsky hikes of 1677–1678]. St. Petersburg, 1911, 96 p.
9. Kostomarov N. I. *Ruina. Mazepa. Mazepincy* [Ruin. Mazepa. Mazepians]. Moscow, Charlie Publ., 1995, 800 p.
10. *Letopis Samovidtsa* [Annals Samovydets]. Kiev, 1878, 468 p.
11. Malov A. V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachalnyi period svoey istorii. 1656–1671 gg.* [Moscow elective shelves soldier system in the initial period of its history. 1656–1671]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, 624 p.
12. Markevich N. *Istoriya Malorossii* [History of Little Russia]. Moscow, 1842, 673 p.
13. Montekukoli R. *Zapiski Raymunda grafa Montekukuli, generalissimusa tsesar-skikh voysk, general-feldtseygmeystera i kavallera Zlatago Runa ili glavnye pravila voennoy nauki vooobshche* [Notes Raymond Earl Montekukuli, Generalissimo Cesar-ing troops, general and Knight feldtseygmeystera Zlatago fleece or basic rules of military science in general]. Moscow, 1760, 452 p.
14. Pavlishchev N. I. *Polskaya anarhiya pri Yane Kazimire i voyna za Ukrainy* [Polish anarchy at Jan Kazimierz and war for Ukraine]. St. Petersburg, 1878, vol. 3, 243 p.
15. Popov A. *Turetskaya voyna v tsarstvovanie Fedora Alekseevicha* [Turkish War in the reign of Theodore Alexeevich]. *Russkiy vestnik* [Russian Gazette], 1853, vol. 8, pp. 143–179, 285–328.
16. *Russian State Archive of Ancient Documents*, the found 210. Razryadnyy prikaz, inventory 13. Stolbtsy Belgorodskogo stola, inventory 19. Stolbtsy Sevskogo stola.
17. Sedov P. V. *Oborona Chigirina v 1677 g.* [Defense Chigirin in 1677]. *Rossiyskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* [Russian state in the XIV–XVII centuries.]. St. Petersburg, 2002, pp. 484–508.

НАРОДНАЯ МИЛИЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Орнацкая Татьяна Александровна, кандидат исторических наук
Академия метрологии, стандартизации и сертификации
Российская Федерация, 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 65
E-mail: ota12@ya.ru

Дальневосточная республика – уникальное буферное образование, сформированное в 1920–1922 гг. на Дальнем Востоке для предотвращения ведения Советской Россией боевых действий на два фронта. Формирование государственных органов буфера на основе классовых принципов было крайне затруднительным. Значительный процент крестьянского населения, практически полное отсутствие пролетариата, партийно-политическая пестрота региона, сопряженные с высоким уровнем преступности, фиктивностью границ и значительным количеством белых армий, делали практически не выполнимыми директивы ЦК РКП (б). Нехватка специалистов, пробелы, а зачастую отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей сферу деятельности органов внутренних дел, приводило к неразберихе, дублированию функций государственных органов ДВР, параллелизму в их работе. В статье рассматривается процесс комплектования и особенности подготовки кадров милиции буфера. Ориентация на политическую благонадежность при комплектовании руководящего и низового состава милиции ДВР привела к росту преступности, в том числе и среди сотрудников правоохранительного органа. Отсутствие специальных знаний, а зачастую малограмотность не давали возможности повышения профессионального уровня милиционеров. Открытие курсов и школ подготовки кадров для работы в милиции обнажило проблемы уровня общего развития населения, неприятие им идеологии советской власти. Завершение в октябре 1922 г. гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке поставило перед партийными функционерами задачу совети-

зации региона, так как за период существования буфера политическая окраска региона практически не изменилась.

Ключевые слова: Дальний Восток, гражданская война, интервенция, народная милиция, кадры, обучение курсантов, программа подготовки, образование

PEOPLE'S MILITIA OF THE FAR EASTERN REPUBLIC: A MANNING AND TRAINING

Ornackaya Tatyana A., Ph.D. (History)

Academy of Metrology, Standardization and Certification

65 K. Marksa Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation

E-mail: ota12@ya.ru

Far East republic – the unique buffer formation generated per 1920-1922 in the Far East for prevention of conducting by the Soviet Russia of operations on two fronts. Formation of the state bodies of the buffer on the basis of class principles was the extremely inconvenient. The Substantial percentage of the country population, practically a total absence of proletariat, political diversity of the region, interfaced to a high crime rate, fictitiousness of borders and a significant amount of white armies, did practically not instructions of Central Committee RKP. Shortage of experts, blanks, and frequently absence of the legal base adjusting a field of activity of law-enforcement bodies, led to confusion, duplication of functions of state bodies DVR, parallelism in their work. In article process of acquisition and feature of a professional training of militia of the buffer is considered. Orientation to political reliability at acquisition of supervising and local structure of militia DVR has led to growth of criminality, including among employees of law enforcement body. Absence of special knowledge, and frequently semi-illiteracy did not give a possibility of increase of a professional level of militiamen. Opening of rates and schools of a professional training for work on militia has naked problems of a level of the general progress of the population, nonacceptance of ideology of the Soviet authority by it. Completion in October, 1922 of civil war and intervention in the Far East has set a problem of the Soviet region for party functionaries, for the period of existence of the buffer political painting of region practically has not changed.

Keywords: the Far East, civil war, intervention, national militia, the staff, training of cadets, the program of preparation, formation

Феномен государственной политики в сфере обеспечения безопасности личности и общества был и остается в сфере постоянного внимания исследователей [3, 8, 9]. Изучение подготовки кадров и особенностей комплектования правоохранительных органов является одним из приоритетных при определении эффективности и успешности работы органов власти [21, 22]. Изучение опыта гражданской войны на Дальнем Востоке особенно необходимо в реалиях сегодняшнего дня. Анализ фактологического материала позволяет учесть комплекс мер, проведенных руководством республики для обеспечения безопасности в условиях размытости дальневосточных границ, сложностей в экономике, упадка сельского хозяйства и разделения общества по идеологическому признаку. В современных условиях нестабильности внешнеполитической ситуации, изменения вектора угроз безопасности Российской Федерации, исторический опыт деятельности органов милиции актуален.

Как известно, в апреле 1920 г. на территории от Верхнеудинска (ныне Улан-Уде) до Владивостока была объявлена власть Дальневосточной республики (ДВР). Однако объединению областей Дальнего Востока на демократических принципах мешала т.н. «читинская пробка», которая была ликвидирована в ноябре 1920 г.

Сложная ситуация была и в Приморье. До объединения областей региона власть во Владивостоке принадлежала Временному правительству Приморской областной земской управы (ВП ПОЗУ), образованному 31 января 1920 г. Регион был оторван от Советской России, которая в тот момент не могла оказать помощь своей окраине. Большевики видели земство переходной ступенью к Советской власти [10, с. 42].

Формирование дальневосточной милиции имело свои особенности. Местные органы власти каждой области сами определяли структуру, штаты, полномочия, формы и методы деятельности милиции. Так, в Амурской области милиция находи-

лась в ведении военных властей, поэтому выполняла не свойственные ей функции [21, с. 58–59].

После объединения областей ДВР в ноябре 1920 г. для обеспечения охраны общественного порядка была создана Народная милиция. В вооруженных частях и формированиях, в том числе и в милицейских, областей буферной республики были проведены чистки [22, с. 34–50].

В состав Главного управления милиции вошли пять областных управлений (Прибайкальское, Забайкальское, Амурское, Приамурское и Приморское). До февраля 1921 г. деятельность сотрудников милиции буфера законодательно не регламентировалась. С принятием в апреле 1921 г. Основного закона Дальневосточной республики [11, с. 561–591] деятельность сотрудников регулировалась «Временным положением о народной милиции ДВР» (февраль 1921 г.). Документом устанавливались структура, штат и полномочия милиции буферной республики. Система комплектования милиции была двойной: по мобилизации и добровольно. Поступавшие на службу в милицию добровольно обязаны были прослужить не менее 1 года. Определялась система мер по повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников милиции [19, с. 10–17].

В сентябре 1921 г. был издан «Закон о милиции». Милиция ДВР входила в структуру органов исполнительной власти буфера, но контролировалась органами местного самоуправления. Законодательно были определены структура и назначение милиции, но задачи и правомочия этого правоохранительного органа составляли пробел в нормативном регулировании. Так, начальник городской милиции Читы в своем рапорте руководителю Министерства внутренних дел ДВР отмечал, что «кроме милиции нет учреждения с более разнообразными и неопределенными функциями» [9, с. 124]. Весной 1921 г. в Верхнеудинск прибыла комиссия во главе с товарищем министра внутренних дел ДВР Ивановым. Комиссия, изучая работу Государственной политической охраны и милиции, пришла к выводу, что «Госполитохрана руководит милицией и творит беззаконие» [14, с. 77].

Система органов и организационные основы деятельности Народной милиции буфера представляли собой почти полный слепок советской рабоче-крестьянской милиции. Схожей была система двойного подчинения: министерству внутренних дел и органу власти на местах, а также организационно-штатное расписание. Однако имелись и различия. Так, например, милиция буферной республики занималась организацией призывной компании в армию, осуществляла контрольные функции в сфере добычи и использования полезных ископаемых.

В соответствии с принятым законом в структуре Управления народной милиции ДВР был образован инспекторский отдел, а в областях – инструкторско-ревизионные отделы, на которые были возложены функции подбора и подготовки кадров для работы в милиции буфера. В состав отделов был набран небольшой штат опытных и благонадежных инструкторов. Разъезжая по областям они учили, инструктировали командный состав, рядовых, а так же правильно ставили делопроизводство [4, с. 875; 16, с. 5].

«Закон о милиции» предполагал, что кандидаты на должность в народной милиции ДВР «должны быть хорошо грамотны, уметь прочесть и твердо усвоить закон о народном суде, толково и грамотно составить протокол, быть знакомыми с городским положением и другими старыми действующими законами хоть немного». К высшему руководству народной милиции предъявлялись более высокие требования: образование не ниже среднего, обладание общественным доверием [5, с. 23–24].

Кадровый состав милиции ДВР был весьма пестрым. Дальневосточный журнал «Вестник министерства внутренних дел Дальневосточной республики» отмечал, что «недостатком нашей милиции является отсутствие в ней опытных, знающих дело служащих» [2, с. 3]. Основную массу милиционеров составляли крестьяне, что было обусловлено не развитостью на Дальнем Востоке промышленного производства. Имелось значительное количество бывших царских служащих, а также лиц, состоявших ранее на службе у Временного правительства или белых режимов.

Однако при назначении на командные должности народной милиции предпочтение отдавалось большевикам и бывшим партизанам. Так, в справке министерства внутренних дел ДВР направленной в Дальневосточное бюро ЦК РКП (б) в августе 1921 г. отмечалось, что «во главе милиции стоят люди вполне благонадежные. Во главе всей милиции Республики тов. Колесниченко [12, с. 11–12], бывший активный земский работник, но в 1920 г. участвовал в захвате власти.

Начальник Прибайкальской областной милиции – К.Г. Лагошный, ссыльно-политический каторжанин, но, безусловно подчиняющийся всем директивам РКП, в Прибайкалье командовал партизанским отрядом.

В должности начальника Читинской городской милиции – Сержант, крестьянин-партизан, работе предан, но отрасль милицейской работы является для него новой.

Начальники управления железнодорожной милиции Читинской, Амурской и Уссурийской дорог – Фоменко, Тимкин и Байрак, – революционеры, партийные работники, рекомендованные на должность партийей».

Бывший руководитель партизанского отряда Игнатенко стал начальником Приамурской областной милиции, среди его недостатков отмечалось отсутствие общего образования [17, с. 19–21].

Главный правительственный инспектор Н.И. Колесниченко в отчете о деятельности учреждений народной милиции, направленном в МВД ДВР и Дальбюро ЦК РКП (б) в ноябре 1921 г. отмечал, что «штат милиции почти повсеместно состоит из партизан. Получился вполне благонадежный, но без всяких знаний и опыта в милицеском деле штат, что повлекло многочисленные акты произвола» [4, с. 875; 16, с. 5].

Характерной чертой этого периода являлись массовые увольнения сотрудников милиции из-за нерегулярно выплачиваемого денежного довольствия, а у оставшихся милиционеров представления о милицейской службе были весьма своеобразными. Информационный отдел МВД анализируя деятельность милиции буферной республики по итогам 1921 г. отмечал, что в Прибайкалье «кадр административных работников больше занят изысканием средств для своего пропитания, чем исполнением своих непосредственных обязанностей, так как сидят на «голодном пайке». В области происходит массовая перегонка хлеба на самогонку, милиционеры сами занимаются этим. Личный состав милиции не соответствует своему назначению. Наблюдались случаи участия милиции в антигосударственных и уголовных преступлениях» [18, с. 4–6]. Еще хуже обстояли дела в Приамурье, где практически полностью отсутствовали опытные работники, «а о средствах и говорить не приходится» [18, с. 9]. 25 ноября 1921 г. эмиссар Приамурской области П.П. Постышев и временно исполняющий должность командующего войсками Приамурского военного округа Б.Н. Мельников в разговоре по прямому проводу с начальником Военно-политического управления НРА и Флота А.Л. Сноскаревым и секретарем Дальбюро ЦК РКП (б) А.М. Буйко обсуждали необходимость кадровых перестановок руководства областной и хабаровской городской милиции, уголовного розыска, а также смещения с должности начальника тюрьмы. П.П. Постышев и Б.Н. Мельников утверждали, что начальник областных милиционеров Игнатенко «человек честный, но мягкий. Внутри милиции развивается страшный бандитизм: сотрудники занимаются взяточничеством, вымогательством и имеют прикосновения к участвовавшим грабжам. Прямыми обязанностями не занимаются» [12, с. 195]. Несмотря на требовательный характер разговора мгновенных кадровых перестановок произведено не было.

В ноябре 1921 г. в резолюции Коммунистической фракции Народного собрания ДВР по докладу о работе МВД буферной республики с мая по ноябрь 1921 г. отмечалось, что работа министерства проходила в неблагоприятных условиях, имелась нехватка ответственных работников даже в самом министерстве, наблюдался «разнобой и двоевластие» [17, с. 1–3].

Недостаток кадров в милицейской среде приводил к изменениям несения патрульно-постовой службы. Так, например, в Хабаровске к весне 1922 г. количество наружных постов было уменьшено в 5 раз, служба наружной милиции была полно-

стью упразднена, а общий штат хабаровской городской милиции был уменьшен в 3 раза. Кроме того, руководством были выявлены факты неудовлетворительного проведения дознания [6, с. 33, 34, 81].

В докладе главного правительственного инспектора Народной милиции ДВР направленном в ДБ ЦК РКП (б) в июне 1922 г. подчеркивалось, что «положение Народной милиции в отношении ее личного состава неудовлетворительно. Высшие командные должности замещены лицами, не соответствующими своему назначению. Прием в милицию и назначение проводилось случайно без учета данных о пригодности, специальности и образовании» [4, с. 884; 15, с. 27].

Итогом проверок милицейского аппарата Приамурской области ДВР весной-летом 1922 г. стало проведение аттестации сотрудников в июле 1922 г. Цель аттестации заключалась в определении общеобразовательной и технической подготовки, служебного и практического опыта сотрудников, оценке революционных заслуг аттестуемых. В сентябре 1922 г. правительственным инспектором Народной милиции Приамурской области были проведены итоги и направлен доклад главному правительственному инспектору Народной милиции ДВР. В докладе отмечалось крайне бедственное положение областной милиции: малый штат, невыплата жалования, недоверие населения, разгул бандитизма и проч. Обращалось внимание, что «выбрасывающая полицейщину и ставя во главу угла принципы привлечения в милицию почти неграмотного населения, которое приходится обучать не только милицейскому делу, но и грамоте. Единственное, что делается в этом направлении, так это проведение еженедельных собраний командного состава с представителями других ведомств, на которых проводится инструктаж по судебным вопросам, а также по дознанию, следствию и ведению протоколов» [6, с. 56–68].

Нестабильность внутривнутриполитической ситуации буфера, низкий уровень организации работы, рост нагрузки, отсутствие обмундирования и материальная необеспеченность приводили к кадровой чехарде. Только за 1921–1922 гг. в народной милиции ДВР сменилось три руководителя. Еще более удручающая ситуация была в низовом аппарате. Кадровый голод вынуждал привлекать на службу в милицию всех желающих, что неизбежно отражалось на профессиональной подготовке сотрудников. В совокупности с ростом уголовной преступности, в сравнении с 1913 г. в 4 раза [7, с. 3], необходимостью отхода от партизанских методов противодействия внутреннему бандитизму, ликвидации юридической безграмотности сотрудников задача обучения кадров для народной милиции выходила на первый план. Вот почему народная милиция Дальневосточной республики остро нуждалась в организации системы профессионального обучения своих кадров.

Флагманом в подготовке милицейских кадров стало Приморье, где в марте 1920 г. по инициативе С. Лазо была организована милицейская школа подготовки командующего состава, рассчитанная на 6 месячное обучение 200 курсантов. Однако политические события 4–5 апреля 1920 г., изменение внутренней политики земской власти не позволили завершить начавшееся обучение [7, с. 4].

В июне 1920 г. в Приморье приказом по управлению милиции области было выпущено «Положение об инструкторских курсах для чинов милиции». Курсы состояли из двух отделений и были открыты во Владивостоке. На первом отделении предполагалось трехмесячное обучение классных чинов контингентом 60 чел., а на втором – полуторамесячная подготовка 20 милиционеров. План обучения предполагал изучение не только специальных военных, но и юридических дисциплин. Так, проводились занятия по государственному праву (9 ч), административному праву (20 ч), законоведению (18 ч) [8, с. 7–8].

Общезвестно, что буферная республика не обладала суверенитетом, почти все направления ее политики согласовывались с Москвой. В январе 1921 г. Главным управлением милиции РСФСР был выпущен приказ о создании курсов для командующего состава сотрудников милиции при губернских управлениях, а для углубленной, шестимесячной подготовки, создавались учебные заведения, подчинявшиеся

народному комиссариату внутренних дел Советской России. В это же время, в январе 1921 г., на заседании коммунистической фракции Народного собрания ДВР был рассмотрен вопрос об организации в регионе подготовки милицейских кадров. Инициатива создания образовательных учреждений для милицейской среды принадлежала министерству юстиции ДВР [15, с. 48].

Предложение было одобрено и трехмесячную профессиональную подготовку сотрудников милиции было решено организовать в крупных городах ДВР: Верхнеудинске, Чите и Благовещенске, организовав в них губернские курсы. Одновременно был обсужден и утвержден учебный план курсов, который определял, что курсанты должны были изучать государственное, уголовное и гражданское право, а также гражданский процесс [3, с. 30]. Их программа была разработана Главным управлением народной милиции и утверждена министерством внутренних дел ДВР [4, с. 875; 16, с. 5].

Летом 1921 г. учебно-инструкторские курсы начали свою работу на базе существовавших учебно-милицейских команд. Курсы осуществляли подготовку старших милиционеров и надзирателей [5, с. 52; 8, с. 8]. По своей сути они являлись резервами для городских и уездных отделов милиции и представляли собой хорошо вооруженные боевые роты [4, с. 875; 16, с. 5; 22, с. 59]. Только к концу 1921 г. через курсы предполагалось обучить 330 человек, 2 выпуска сделали инструкторские курсы в Прибайкалье, по одному в Забайкалье и Амурской области [4, с. 875; 16, с. 5].

Руководителем читинских курсов по подготовке старших милиционеров был утвержден А.И. Абрамов, известный в то время командир батальона Народной революционной армии Дальневосточной республики. Первый набор на курсы был осуществлен в конце июля 1921 г., переменный состав значился в количестве 50 чел. [1, с. 27] Изменение внешне- и внутривосточной обстановки, выразившееся в усилении дипломатического давления на делегации Советской России и ДВР в ходе международных переговоров и конференций, а также активизации белоповстанческих режимов, росте бандитизма, увеличении волнений в крестьянской среде, спровоцировало острую необходимость в подготовленных к несению милицейской службы кадрах. Ввиду этого руководство курсов пошло на сокращение программы обучения и досрочный выпуск курсантов, который состоялся в середине ноября 1921 г. [7, с. 5–7].

Ввиду острого недостатка квалифицированных командных кадров в начале августа 1921 г. читинские курсы были переименованы в Центральную милицейскую инструкторскую школу с шестимесячным сроком обучения. Четыре месяца изучались основные общие предметы, а два месяца отдавалось на изучение предметов специализации (общей службы, уголовного розыска или железнодорожной милиции) [15, с. 23].

Учебный план Школы был существенно пересмотрен. В рамках основного курса дисциплин 4 ч в неделю изучалось уголовное право и процесс, 3 часа в неделю – конституционное и административное право, а 2 ч в неделю – судебная медицина. Остальные предметы были общеобразовательными, часть часов отводилась на изучение уставов. Всего обучение велось при 36-часовой недельной нагрузке.

Специальный курс предполагал еженедельные четырехчасовые занятия по уголовному праву и процессу, и трехчасовые по конституционному и административному праву. Помимо увеличения объема изучаемых дисциплин, учебный процесс в Школе завершался практикой [15, с. 27–28].

Программы юридических дисциплин были крайне сложными и запутанными [15, с. 31–33].

В целях регулирования состава дальневосточной милиции приоритет для поступления отдавался кандидатам, имевшим партийный стаж. Однако набор абитуриентов проходил крайне сложно. Первоначально предполагалось открыть школу 5 декабря 1921 г., однако к намеченному сроку прибыло лишь 8 чел. общее же количество мест в Школе составляло 120. Открытие состоялось 31 января 1922 г., когда контингент отобранных к дальнейшему обучению курсантов составил 45 чел., в связи с переводом части курсантов из Верхнеудинских курсов, контингент обучающихся достиг 72 чел., из них из органов народной милиции прибыли только 68 чел.

Начальник Школы А.В. Нахлупин отмечал, что часть курсантов «малограмотна и с физическими недостатками», только двое имели среднее образование, а остальные либо домашнее, либо начальное. Однако в докладе Главного правительственного инспектора Народной милиции Воскобойникова указываются иные данные. Отмечено, что из 72 прибывших 5 чел. безграмотные, а 20 чел. имеют домашнее образование, т.е. малограмотные. Большая часть курсантов была молодежью призывного возраста, не желавшей служить в НРА ДВР. Поэтому, как только боевые действия прекратились, у них пропало желание продолжать обучение. Воскобойников, докладывая в Дальбюро ЦК РКП (б) о результатах набора отмечал, что «все управления милиции прислали самый негодный элемент (негодный для службы в милиции), иных брали стороны, зачисляя за несколько дней до командировки в Школу. Многие принятые заявляли, что их командировали помимо их желания и призвания» [4, с. 892; 16, с. 73].

За период обучения было отчислено 16 чел.: 5 – по состоянию здоровья, 7 – за проступки, 2 дезертира, и 2 по собственному желанию. Завершили обучение 44 чел, а еще 12 чел. не окончили курс обучения и были выпущены милиционерами, среди которых 4 чел. оставались неграмотными [16, с. 74]. Выпуск состоялся 21 июля 1922 г. в торжественной обстановке, а сами выпускники прошли парадным строем во дворе школы [16, с. 44].

Все выпускники, завершившие обучение и успешно сдавшие экзамены имели право на занятие должности надзирателя милиции. Выпускники, завершившие обучение по 1 разряду (т.е. имели по специальным дисциплинам оценки «хорошо» и «отлично») продвигались по службе в течение 3 мес., а по 2-му разряду – в течение 6 мес. [15, с. 24].

В июне 1922 г. главный правительственный инспектор Народной милиции ДВР Воскобойников докладывал в ДБ ЦК РКП (б) о том, что «в составе Центральной милицейской школы оказались полуграмотные и совсем не грамотные люди, а программа школы составлена чуть ли не в объеме юридического факультета и школы командного состава вместе взятых». В докладе отмечалось, что в Школу с мест был прислан не лучший элемент, а худший, от которого желательно было избавиться [16, с. 27].

После инспектирования деятельности Школы Воскобойников взял под личный контроль ее комплектование переменным составом. Учтя отсутствие конкурса, набор летом 1922 г. сократили до 60 мест. На места были разосланы планы комплектования с требованием прибытия будущих курсантов к 1 августа 1922 г. Основными требованиями к направляемым были членство в РКП (б), политическая благонадежность, образовательный ценз не ниже двух классов школы и физическое здоровье. Начать обучение предполагали с зачислением не менее 30 человек, однако к 18 сентября 1922 г. прибыло всего четыре человека, двое из которых были отправлены обратно. Представители местных Советов, отвечая на запросы инспектора о причинах провала набора курсантов отмечали слишком высокий образовательный ценз для поступающих, нежелание членов партии работать в милиции, а следовательно – безлюдность. К концу 1922 г. для поступления прибыли 87 абитуриентов. Зачислено было 72 чел. на конкурсной основе [15, с. 49; 20, с. 84]. Из которых 27 чел. были направлены из НРА ДВР, 14 – управление милиции республики, 10 – профсоюзные органы, а 21 чел. – Главное управление милиции с рекомендациями государственных учреждений и профсоюзных организаций [4, с. 893; 16, с. 74–75].

В конце октября 1922 г. японские интервенты и части белых армий покинули материковую часть Дальнего Востока, что явилось окончанием гражданской войны в регионе. 15 ноября 1922 г. Дальневосточная республика была упразднена, а территория от Верхнеудинска до Владивостока была преобразована в Дальневосточную область РСФСР. Для организации управления регионом был сформирован чрезвычайный орган власти – Дальневосточный революционный комитет [23, с. 31–35]. Уже на следующий день, 16 ноября, все законодательство буфера было отменено. Весь аппарат ДВР подвергся реорганизации, структурные и кадровые изменения произошли и в милицейской среде.

Стоит подчеркнуть, что деятельность дальневосточной милиции в годы гражданской войны и интервенции не имела упорядоченного нормативного регулирования. В условиях необходимости решения задач по противодействию бандитизму, укреплению законности и правопорядка, осуществления комплекса мероприятий по обеспечению безопасности граждан, испытывая острый недостаток квалифицированных кадров, дальневосточные милиционеры сумели противостоять беззаконию, обеспечить внутривнутриполитическую стабильность.

Список литературы

1. Астахов П. Школьная подготовка милиции // Административный вестник. 1922. № 1, Ноябрь.
2. Вестник министерства внутренних дел Дальневосточной республики. 1921. 17 дек.
3. Власов А. Е. 75 лет со дня открытия в Чите Центральной инструкторско-милицейской школы командирского состава // Календарь замечательных и памятных дат истории УВД Читинской области. Чита: Б.и., 1996. 320 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393, оп. 44, д. 19.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-864, оп. 1, д. 8.
6. ГАХК. Ф. Р-925, оп. 1, д. 1.
7. ГАХК. Ф. Р-1962, оп. 1, д. 27.
8. Дондоков Ц. С. Особенности профессиональной подготовки кадров народной милиции Дальневосточной республики // История государства и права. 2008. № 10. С. 7–9.
9. Милежик А. В. Центральная школа подготовки комсостава Народной милиции Дальневосточной республики (из истории ДВЮИ МВД России) // Вестник ДВЮИ МВД России. 2013. № 2 (25). С. 123–129.
10. Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: Б.и., 2008. 258 с.
11. Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики. 27 апреля 1921 г. // Борьба за власть Советов в Приморье. Владивосток: Кн. изд-во, 1955. 870 с.
12. Петров О. Г. Именем народа Д.В.Р. Москва: Вече, 2014. 384 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372, оп. 1, д. 67.
14. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 68.
15. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 188.
16. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 401.
17. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 403.
18. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 1192.
19. Собрание узаконений и распоряжение Правительства ДВР. 1921. № 2 (6).
20. Феоктистов С. Ф. Милиция Забайкалья: ее развитие и деятельность (1917 – начало 1930-х годов): историко-правовой аспект. Иркутск: Байкальский гос. ун-т экономики и права, 2005. 172 с.
21. Ходасевич А. П. Милиция таежного края. Хабаровск: Хабаровское книж. изд-во, 1969. 159 с.
22. Худяков П. П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920-е гг. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т, 2002. 240 с.
23. Цуканов С. С. Дальневосточный революционный комитет: цели, задачи, структура // История государства и права. 2010. № 3. С. 31–35.

Referents

1. Astakhov P. Shkolnaya podgotovka militsii [School preparation of militia]. *The administrative bulletin*, 1922, no. 1.
2. *Vestnik ministerstva vnutrennikh del Dalnevostochnoy respubliki* [The bulletin of the interior ministry of Far East republic], 1921, 17 dec.
3. Vlasov A.E. 75 let so dnja otkrytija v Chite Central'noj instruktorsko-milicejskoj shkoly komandirskogo sostava. [75 years from the date of opening in Chita the Central instructor militia school of command structure]. *Calendar wonderful and memorials of history of the Department of Internal Affairs of the Chita area Chita*, 1996. 320 p.
4. *The State Archive of the Russian Federation*, the found R-393, inventory 44, the case 19.
5. *State Archives of Khabarovsk Krai*, the found R-864, inventory 1, the case 8.
6. *State Archives of Khabarovsk Krai*, the found R-925, inventory 1, the case 1.
7. *State Archives of Khabarovsk Krai*, the found R-1962, inventory 1, the case 27.

8. Dondokov C. S. Osobennosti professionalnoy podgotovki kadrov narodnoy militsii Dalnevostochnoy respubliky [Features of vocational training of the staff of national militia of Far East republic]. *History of the state and the right*, 2008, no. 10, pp. 7–9.
9. Milezhik A. V. Centralnaya shkola podgotovki komsostava Narodnoy militsii Dalnevostochnoy respubliky [The central school of preparation of command structure of National militia of Far East republic]. *The bulletin of Far East legal college of the interior ministry of Russia*, 2013, no. 2 (25), pp. 123–129.
10. Ornackaya T. A. *Vneshnyaya politika Dalnevostochnoy respubliky* [Foreign policy of Far East republic]. Khabarovsk, 2008, 258 p.
11. Osnovnoy zakon (Konstitutsiya) Dalnevostochnoy respubliky. 27 apr. 1921 [The organic law of Far East republic]. *Struggle for authority of advice in Primorski Krai*. Vladivostok, 1955, 870 p.
12. Petrov O. G. *Imenem naroda D.V.R.* [Name of people of Far East republic]. Moskow, Veche Publ., 2014, 384 p.
13. *Russian State Archive of Socio-Political History*, the found 372, inventory 1, the case 67.
14. *Russian State Archive of Socio-Political History*, the found 372, inventory 1, the case 68.
15. *Russian State Archive of Socio-Political History*, the found 372, inventory 1, the case 188.
16. *Russian State Archive of Socio-Political History*, the found 372, inventory 1, the case 401.
17. *Russian State Archive of Socio-Political History*, the found 372, inventory 1, the case 403.
18. *Russian State Archive of Socio-Political History*, the found 372, inventory 1, the case 1192.
19. *Sobranie uzakoneny i rasporyazhenie Pravitelstva DVR* [Assembly of legalizations and orders of the government of Far East republic], 1921, no. 2 6).
20. Feoktistov S. F. *Militsiya Zabaykalya: ee razvitie i deyatelnost (1917 – nachalo 1930-kh godov): istoriko-pravovoj aspekt* [Militia of Transbaikalia: its progress and activity (1917 - 1930th years): historical legal aspect]. Irkutsk, 2005, 172 p.
21. Khodasevich A. P. *Militsiya taezhnogo kraya* [Militia of taiga edge]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ. House, 1969, 159 p.
22. Khudyakov P. P. *Dalnevostochnaya militsiya v borbe s ugovolnoy prestupnostyu v 1920-e gg.* [Far East militia in struggle against criminal criminality in 1920]. Khabarovsk, 2002, 240 p.
23. Tsukanov S. S. Dalnevostochnyy revolyutsionnyy komitet: tseli, zadachi, struktura [Far East revolutionary committee: objectives, problems, structure]. *History of the state and the right*, 2010, no. 3, pp. 31–35.

АРЕНДА ЗЕМЛИ В СТРУКТУРЕ КЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Кузьмина Ирина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kuzmina_irina_@mail.ru

В статье анализируется роль аренды в развитии земельных отношений в Нижнем Поволжье в пореформенный период на материалах двух губерний – Астраханской и Саратовской. В работе рассмотрены различные виды аренды, районы ее преимущественного распространения, социальный состав арендаторов. С привлечением статистических источников показаны размеры крестьянского арендного землепользования, цены на землю, соотношений различных форм аренды в крестьянских хозяйствах региона. Отмечено, что аренда занимала важнейшее место в землевладении и землепользовании крестьян и других групп населения, составляла главный доход землевладения и служила фоном хозяйственного роста. Особенностью региона был массовый характер аренды. Для Астраханской и Саратовской губерний было характерно сочетание различных форм аренды, которая способствовала перераспределению земель между условиями, усилению капиталистических форм землевладения. Несмотря на значительные различия (преобладание Астраханской губернии аренды за деньги, а в Саратовской – уплата отработками или частью урожая), в губерниях Нижнего Поволжья прослеживается связь аренды с развитием и ростом капиталистических элементов в хозяйстве. Об этом свидетельствуют тенденции сокращения испольной аренды, а также наличие предпринимательской аренды частными лицами и товариществами.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Астраханская губерния, Саратовская губерния, аренда земли, пореформенный период, капитализм, крестьянское хозяйство